

Наживин Иван Федорович

Перун
Лесной роман

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Федорович Н.**
Перун: Лесной роман / Наживин Иван Федорович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 305 с.

ISBN 978-5-519-98549-9

ISBN 978-5-519-98549-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

слѣва, и если птица играла по мысли имъ, они благодарны были ей, а противъ сердца — опасались, ибо знали они, что и въ птицѣ этой какъ-то таинственно живетъ духъ ихъ близкихъ, уже отошедшихъ отъ нихъ. И во всемъ чувствовали они бытіе божіе: и въ небѣ, и въ водѣ, и въ горахъ, и въ камняхъ, и въ деревьяхъ старыхъ, и въ звѣздахъ. И, гадая о судьбѣ своей, вопрошали они все это о будущемъ и покорно и мудро предоставляли силамъ божественнымъ то, что выше воли человѣческой. И дикой душой своей чуяли они вѣяніе силъ жизни таинственной во всемъ: и въ шорохахъ ночи, и въ шелестѣ листвы, и въ вѣщихъ крикахъ птицъ, и въ травѣ архилинъ, и во всеильной разрывъ-травѣ, и въ жуткомъ папоротникѣ. И небо — въ немъ царилъ благодный Сварогъ, Отецъ всего, — ласково улыбалось имъ, простымъ дѣтямъ своимъ, и они, полные благодарности къ богамъ за волшебный даръ жизни, «приносили имъ требы, короваи ломили, ставили брашна котѣйныя и моленое брашно то давали другимъ и сами ѣли».

И вотъ вдругъ изъ за моря, изъ далекаго Цареграда, появилась въ зеленой, безкрайной землѣ русской новая вѣра, новый богъ непонятный, странный богъ, рожденный какъ-то отъ дѣвы, а потомъ погибшій страшной смертью отъ руки жидовиновъ въ землѣ ихъ. Противны были радости людскія этому новому богу и прежде всего требовалъ онъ отъ человѣка отказа отъ той жизни, отъ того теплаго, привольнаго и веселаго міра, который онъ же самъ со старымъ отцомъ своимъ создалъ для нихъ! И многіе на Руси, запуганные разсказами о мученіяхъ нестерпимыхъ, которыя заготовилъ этотъ новый, иноземный богъ людямъ, послушались его велѣній и неподалеку отъ Кіева стольнаго, въ зеленыхъ горахъ, надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, еще во времена князя Владиміра Красна Солнышка, стали они, спасаясь отъ міра и жизни, рыть себѣ глубокія пещеры...

Цѣлые дни и ночи напролетъ, освѣщаемые тусклымъ свѣтомъ свѣтильниковъ скудныхъ, рыли они, какъ кроты, подземные ходы, уходя все дальше и дальше въ глубь земли отъ коварныхъ прелестей солнечнаго міра. Ужъ не одинъ изъ нихъ умеръ въ этой тяжелой работѣ, въ этихъ лишеніяхъ тяжелыхъ, но это не останавливало другихъ: похоронивъ подъ скорбное пѣніе павшаго въ борьбѣ за непонятное, они все рыли, все рыли, уходя въ землю все дальше и дальше, точно надѣясь, что вотъ еще одинъ ударъ тяжелой лопаты и предъ ними раскроются врата въ какой-то новый, имъ невѣдомый, міръ. А внизу Днѣпръ съдой шепчетъ что-то солнечнымъ берегамъ, и разливаются по поймѣ зеленой пѣсни соловьиныя, и съ хриплыми криками вьются надъ водой вольныя чайки бѣлыя. Изъ - за горы ломаными линіями выступаютъ на солнечномъ небѣ зубчатые палисады города стольнаго съ толстыми, приземистыми башнями и слышна перекличка дозорныхъ, день и ночь наблюдающихъ за страшнымъ Полемъ: не нагрянули бы часомъ степняки... По рѣкѣ сверху слышны трубы звонкія: то идетъ караванъ ладей острогрудыхъ съ товарами изъ варягъ въ греки и привѣтствуетъ стольный городъ звуками трубными...

Обливаясь горячимъ потомъ и изнемогая, усердно рылъ наряду съ другими пустынножителями и Добрыню, рыбака, звѣроловъ и бортника, нареченный жрецами новаго бога во святомъ крещеніи Андріемъ. Безъ устали выносилъ онъ изъ черной дыры и золотой песокъ, и тяжелую глину, и холодные, какъ мертвецы, камни къ устью пещеры, откуда открывался такой захватывающій душу видъ на окаянный міръ. Онъ боялся смотрѣть въ эти зовущія солнечныя дали, онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ пугливой женской тѣни, которая тоскливо бродила иногда вокругъ келій: то чернокудрая, знойная Ганна-полонянка все пыталась отнять его у его новаго бога. Но напрасно!

Онъ все рылъ, все рылъ, все рылъ, все молился, все постился, все изнурялъ себя бдѣніемъ всенощнымъ...

Но сядетъ онъ, усталый, отдохнуть и — вдругъ потеряется въ мечтѣ о томъ, что было: и видитъ онъ жаркія ночи звѣздныя въ степи безкрайной, и слышитъ онъ свои унывныя пѣсни вольныя, которыя распѣвалъ онъ, бывало, разѣѣжая на своемъ челночкѣ-душегубкѣ по тихимъ днѣпровскимъ заводямъ, и шумныя стогна городскія... Очнется онъ, встряхнется отъ мечтаній грѣшныхъ и снова до поздней ночи за работу, отъ которой темнѣетъ въ глазахъ. И бросится онъ, изнеможенный, на жесткій одръ свой и вотъ вдругъ зазвучитъ колдовской, полный сладкой отравы, смѣхъ Ганны. Онъ вскочитъ, бросится съ молитвой отъ навожденія лукаваго на холодную жесткую землю и вотъ изъ темнаго угла тянутся къ нему бѣлыя, полныя, зовущія руки ея, онъ слышитъ даже тихое позвякиваніе ожерелья серебрянаго, онъ вдыхаетъ запахъ степныхъ травъ и росы, который идетъ отъ ея волосъ, отъ всего ея стройнаго. знойнаго тѣла... И въ отчаяніи бьется онъ кудлатой головой своей о сырую, нѣмую землю и изъ голубыхъ, когда-то дѣтски-ясныхъ глазъ его, теперь горячихъ и страшныхъ, катятся ядовитыя, жгучія слезы... Если новый богъ держалъ его крѣпко и не уступалъ Ганнѣ-полонянкѣ, то и Ганна-полонянка держала его не менѣе крѣпко и никакъ не хотѣла уступить его новому богу...

И старецъ Ѳеодосій замѣтилъ муку великана и кротко увѣщевалъ его оставить пещерное житіе и итти въ міръ — съ проповѣдью спасенія пребывающимъ во тмѣ сѣни смертной.

— Тамъ, чало мое, отдашь ты силу свою на дѣло Божіе... — говорилъ ему старецъ, когда съ первыхъ проталинокъ улыбнулись свѣтлomu Хорсу-Дажьбогу первые нѣжные подснежники и съ островерхихъ кровель протянулись къ землѣ, какъ нити жемчуговъ

перекатныхъ, сверкающія завѣсы капелей. — А у насъ тебѣ еще тѣсно, чадо мое...

И вотъ, выждавъ, когда подсохнутъ степныя тропы, Андрей, получивъ благословеніе игумена, попрощавшись съ братіей и вскинувъ на плечи сумку съ черными сухарями, оставилъ свое узкое и скорбное скитское житіе и, вооруженный только длиннымъ посохомъ и словомъ божіимъ, вышелъ на вольную волюшку окаяннаго міра. И какъ только увидѣлъ онъ эти родные холмы, убѣгавшіе вдоль широко, какъ море, разливагося Днѣпра въ голубую даль, какъ слышалъ онъ въ безднѣ неба, гдѣ блисталъ во всемъ своемъ величій и красѣ Дажьбогъ лучезарный, трубные звуки каравановъ журавлиныхъ и журчаніе жаворонковъ невидимыхъ, какъ пахнуло ему въ душу сладкимъ запахомъ отходящей матери-земли, кормилицы, — палъ онъ на эту землю, весь обливаясь слезами радости несказанной. Онъ не зналъ, да и не хотѣлъ знать въ эти минуты, хорошо это или плохо, что такъ радуется онъ радостью молодой земли, отъ бога это или отъ прелестника-дьявола: хотя и не было съ нимъ Ганны-полонянки, въ эту минуту онъ былъ счастливъ...

И онъ шелъ и шелъ, узнавая съ радостью тѣ мѣста, гдѣ онъ нѣкогда бортничалъ, гдѣ ставилъ онъ западни на звѣрей дикихъ, гдѣ жилъ онъ жизнью привольной и тихой, какъ звѣрь лѣсной. И въ попутныхъ поселкахъ, гдѣ гремѣли уже старинныя колдовскія пѣсни сперва въ честь чаровницы-весны, а потомъ Лада свѣтлаго и жаркаго Ярилы, и носили стройныя дикія дѣвушки по солнечнымъ дорогамъ разукрашенную лентами пестрыми нѣжную, бѣленькую березку, символъ матери-природы и матери вообще, и заводили игрища «межю селы», на которыхъ парни «умыкаху у воды дѣвица» въ жены себѣ, — онъ всячески избѣгалъ того, что было страшнѣе всего: женщины. И это не было трудно: онъ внушалъ имъ, робкимъ, страхъ,

этотъ большой, сильный человѣкъ въ странной, черной одеждѣ, съ сумрачно горѣвшими глазами. Онъ про- бовалъ говорить имъ о Богѣ цареградскомъ, един- ственно истинномъ и онѣ охотно слушали его, и кор- мили его, и поили, но — сторонились его. А когда кончалъ онъ странныя рѣчи свои, въ тихомъ сіяніи молодого мѣсяца, свѣтлой чаровницы Мокошь, снова гремѣли старыя, колдовскія, грѣшныя пѣсни. И горько ему было, что онъ одинъ среди этого гомона и радости земли, и душа его томилась больно, и тоска о Ганнѣ мучила его, и бѣжалъ онъ отъ Ганны все дальше и дальше лѣсами дикими, держа путь свой къ той укра- инѣ земли Кіевской, гдѣ «по Оцѣ-рѣкѣ», смѣшавшись съ кроткою чудью бѣлоглазой, жили вятичи...

И вотъ разъ , подѣ вечеръ, когда надъ старымъ, звенящимъ въ вышинѣ боромъ сіяла свѣтлая Мокошь, покровительница родовъ и богиня женщинъ, и мавки- русалки длиннымъ бѣлымъ хороводомъ поднялись съ темнаго дна Ужвы-рѣки, что въ Оку пала, и пока- тилъ по водѣ верхомъ на сомѣ старый, добродушный толстякъ Водяной, недавно, на Никитинъ день, съ шумомъ проснувшійся отъ долгой зимней спячки своей, и кружился, веселясь и качаясь на длинныхъ вѣтвяхъ по лѣсу озорникъ Лѣшій, и защелкалъ въ душистой уремѣ колдунъ-соловей, онъ пришелъ въ небольшое селеніе, затерявшееся въ лѣсной пустынѣ. Тамъ, на широкой, зеленой полянѣ, полыхалъ огром- ный костеръ, — «пожаромъ» звали его въ тѣ времена, — а вокругъ него, въ однѣхъ холщевыхъ рубахахъ, искусно вышитыхъ по вороту и по подолу, въ вѣнкахъ изъ молодыхъ цвѣтовъ на головѣ и съ бусами изъ зеленой глины на шеѣ, бѣшенымъ хороводомъ, из- гибаясь стройными, горячими тѣлами, неслись дѣ- вушки съ пьяными глазами, съ жарко дышащими уста- ми и «перескакаху чрезъ огонь по нѣкому древлему обычаю». И снова кружились онѣ въ пестромъ хоро- водѣ, и пѣли жаркія пѣсни, и взвизгивали страстно

отъ избытка жизни и любви. А вокругъ сидѣли вятичи-поселяне и глаза ихъ горѣли зеленымъ, пьянымъ огнемъ. И большой каменный Перунъ, сжимая въ десницѣ своей пучекъ ярыхъ молній, стоялъ на холмѣ, надъ дымящеюся рѣкой и, весь отъ луны серебряный, благосклонно взиралъ на эти игры дѣтей своихъ, и золотился въ серебряномъ сумракѣ у подножія его огонь священный неугасимый, поддерживаемый старымъ волхвомъ полѣньями дубовыми...

И Андрей не зналъ, была ли это ревность о Господѣ или просто зависть къ этимъ, хотя и мимолетнымъ, но жгучимъ радостямъ земли, въ которыхъ ему уже нѣтъ доли, заговорила въ немъ, но, внутренно яростный, выступилъ онъ на поляну изъ чаши лѣсной и съ испуганнымъ визгомъ разбѣжались опьяненныя дѣвушки, и схватились за свои короткіе копья и ножи вятичи. Но не устранился ихъ Андрей и съ крестомъ распятаго жидовинами бога въ высоко поднятой рукѣ вышелъ къ костру. И, видя, что онъ безоруженъ и одинъ, селяки успокоились, а такъ какъ всегда славились они гостепріимствомъ, то и встрѣтили они дальняго гостя привѣтствіями...

И у догорающаго священнаго огня сгрудилась толпа лѣсныхъ селяковъ и жадно слушала чудныя рѣчи странника о томъ, какъ сначала все было неустроено и духъ Божій носился надъ бездной, и какъ въ первый день грозный Богъ сотворилъ для человѣка эту вотъ землю, а во второй — твердь или видимое небо, чтобы днемъ согрѣвало людей солнышко, а ночью чтобы яркія звѣзды служили ему спутниками надежными въ лѣсныхъ пустыняхъ, какъ потомъ создалъ этотъ Богъ на потребу человѣкамъ птицъ, рыбъ и звѣрей всякихъ, а потомъ, когда все такимъ образомъ было готово, создалъ и самого человѣка, какъ люди размножились и прегрѣшили и Господь перетопилъ ихъ всѣхъ, какъ потомъ, долгое время спустя, у него родился сынъ, какъ сынъ этотъ

старался обрезать жидовиновъ жить по совѣсти и какъ тѣ не послушались его и распяли на крестѣ, и какъ онъ воскресъ и улетѣлъ на небо, и какъ надо вѣровать въ него и исполнять все, что приказалъ онъ: нельзя жрать нечистъ всякую безъ разбору, нельзя срамословить предъ отъци и передъ снохами, и баловаться съ дѣвками на игрищахъ межю селы у священныхъ водъ, и не приносить идоламъ поганымъ никакой «жаризны», и многое другое...

И долго, долго говорилъ онъ, а селяки слушали: они любили такія замысловатыя сказки до страсти... Уже черкнула на востокъ, надъ зубчатою стѣною лѣсовъ, золотисто-зеленая полоска зари, а онъ все говорилъ и успокоившіяся дѣвушки смотрѣли ему въ глаза очарованными глазами изъ толпы поселянъ, сидѣвшей вкругъ него тѣснымъ кольцомъ... И вотъ отъ рѣки поднялся туманъ, бѣлый и мягкій, и свернулся легкими облачками розовыми и потянулся ввысь, и изъ-подъ густой пелены его вдругъ, весь озолоченный солнышкомъ, всталъ на крутомъ берегу Ужвы-рѣки Перунъ, сіяющій, и радостный, и многомилостивый...

И возгорѣлось сердце Андрея великою ревностію о Господѣ истинномъ и сталъ яростно обличать онъ идола Перуна. Онъ говорилъ, что это лишь простой, обтесанный руками человѣческими камень, а не богъ, но селяки не вѣрили ему и въ сердцахъ ихъ поднялась темная туча. Андрей не устранился и, грозный, предложилъ имъ великое испытаніе: вотъ онъ сброситъ Перуна съ берега въ рѣку и, если онъ богъ, пусть поразитъ его онъ своими золотыми стрѣлами, а если онъ только камень безчувственный, то пусть поклонятся вятичи богу истинному.

Селяки приняли его предложеніе, хотя и не безъ великаго страха. И вотъ впереди смущенной толпы ихъ Андрей подошелъ къ берегу и съ замирающимъ сердцемъ — онъ не былъ все же такъ ужъ совсѣмъ

увѣренъ, что этотъ Перунъ, благосклонно царившій надъ безбрежной пустыней лѣсовъ вятскихъ и надъ сердцами этихъ добродушныхъ и гостепріимныхъ людей, только камень, — и охватилъ его холодное, могучее тѣло своими узловатыми, могучими руками, и покачнуль, и повалилъ, и, неуклюже переваливаясь съ боку на бокъ, Перунъ покатился къ краю обрыва, и сорвался съ берега, и среди тучи брилліантовыхъ брызгъ исчезъ въ водѣ.

Толпа лѣсовиковъ ахнула и замерла, но — не было грома, не было молній, не потряслась въ ужасѣ земля и на холмѣ вмѣсто величаво-неподвижнаго бога стоялъ величаво-неподвижный съ горящими, изступленными глазами апостолъ новаго бога.

И тотчасъ же многіе увѣровали въ бога истиннаго, и Андрей тутъ же крестилъ ихъ во имя Отца, Сына и святаго Духа въ изстари языческой Ужвѣрѣкъ. Однако, къ вечеру того же дня вспыхнула въ селеніи тяжкая болѣзнь: въ жестокихъ корчахъ съ быстротой невѣроятной погибалъ одинъ селякъ за другимъ. И тотчасъ же, по обычаю, вспыхнулъ среди нихъ разладъ и жестокое недовольство: тѣ, которые остались вѣрны Перуну, объясняли все это мстью поруганнаго бога, тѣ же, которые приняли новую вѣру, хотя и испугались, хотя и поколебались втайнѣ, утверждали, что въ бѣдствіи виноваты непринявшіе новой вѣры, что это не Перунъ, а Богъ истинный караетъ ихъ, а, можетъ, и просто старый волхвъ нарочно, чтобы вызвать эти распри, отравилъ воду въ Гремячемъ Ключѣ. И отъ словъ лѣсовики перешли къ дракѣ, а отъ драки къ копьямъ и дубинамъ...

И вотъ на холмѣ, съ котораго еще только вчера вечеромъ въ сіяніи луны благосклонно взиралъ Перунъ на игры и пляски дѣтей своихъ и на которомъ теперь уже водруженъ былъ Андреемъ огромный сосновый крестъ, началась кровавая свалка. Андрей и хотѣлъ бы остановить ее, но не могъ, и, безсильный,

стоялъ онъ надъ толпой у креста, и ждалъ, когда все это кончится, и было ему скорбно: стало ему вдругъ жалко и своей молодой, изуродованной чѣмъ-то жизни, и ярымъ полымемъ полыхала въ сердцѣ его тоска о брошенной имъ Ганнѣ-полонянкѣ. И вдругъ на шумъ боя выбѣжала изъ лѣса женщина молодая и съ крикомъ бросилась къ нему. Въ одинъ мигъ узнало ее его сердце и поняло все: она бѣжала за нимъ со своей грѣшной любовью. И, сраженный неожиданно-стью, онъ отдѣлился отъ креста и призывно раскрылъ ей навстрѣчу руки. И въ то же мгновеніе каленая стрѣла, пущенная изъ-за кустовъ старымъ волхвомъ, звеня, впиалась въ его сердце и онъ, истекая кровью, упалъ подъ ноги сражающимся, а на него, сраженная нечаяннымъ ударомъ копья, упала оборванная, окровавленная, изстрадавшаяся, но теперь совершенно счастливая Ганна-полонянка...

И такъ какъ нововѣровъ было больше, чѣмъ сторонниковъ Перуна, они побѣдили и, побѣдивъ, сперва справили они по Андрею славную тризну съ игрой во свирѣли и лютни, съ пѣніемъ, съ примѣрными боями воиновъ, съ медомъ хмельнымъ, а затѣмъ съ великимъ торжествомъ погребли въ зеленомъ лонѣ матери-земли тѣло его и приказали уцѣлѣвшимъ поклонникамъ Перуна подъ страхомъ смерти немедленно креститься, что тѣ съ охотою великою и исполнили, ибо на дѣлѣ увидѣли превосходство новой вѣры надъ старою. И общими усиліями селяковъ старый волхвъ былъ сожженъ на огнѣ великомъ живьемъ во славу Бога истиннаго...

И за павшимъ Андреемъ со стороны Кіева шли еще и еще проповѣдники новаго бога, а съ ними и дружинники князя кіевскаго, которые, ежели селяки гдѣ упрямылись признать бога истиннаго, легонько эдакъ поторапливали ихъ по загрівкамъ познать истинную вѣру и пріять царство небесное. И такъ «монастыреве на горахъ сташа и черноризцы явишася»

и князь стольный кіевскій любилъ ихъ даже «до излиха» и всячески помогалъ имъ...

И вскорѣ былъ основанъ монастырь на крутомъ берегу Ужвы-рѣки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда, встрѣчая солнце, стоялъ Перунъ и гдѣ палъ Андрей, и назвали люди монастырь тотъ непыратый: Спасъ-на-Крови.

И стали въ тѣхъ монастыряхъ черноризцы книги непонятныя списывать одну съ другой для просвѣщенія людей, и иконы писали красками яркими и раздавали ихъ селякамъ на мѣсто прежнихъ идоловъ поганыхъ, преходящаго творенія рукъ человѣческихъ, и шли въ тѣхъ монастырькахъ великіе споры о томъ, можно ли ѣсть кровь рыбою, и можно ли ѣсть бѣлку давленую, и что надо сдѣлать съ человѣкомъ тѣмъ, который передъ обѣдней постучить себѣ о зубы яйцомъ куринымъ, и можно ли полу обѣдню пѣть, ежели онъ у себя въ карманѣ платокъ женскій обнаружить, и слѣдуетъ ли носить бороду человѣку крещеному. И особенно любили почему-то черноризцы размышлять на тему: что есть жена? И, отвѣчая себѣ, они мудро говорили, что жена есть «сѣть утворена прельщающи человѣка во властяхъ свѣтлымъ лицомъ убо и высокими очима налидающи, ногами играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвиша низложи, тѣмъ же въ доброты женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгорается. Жена есть святымъ обложница, покоище змѣино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, поднѣчающая сковорода, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская...» И увѣряли всѣхъ чернецы смиренно, что тотъ, кто «не имѣ жены и кромѣ міра пребывая, заповѣди Господни исправить можетъ, а съ женою и съ чады живуще не можетъ спастися», и находились люди, которые поэтому бросали женъ и дѣтей безъ пристанища, и шли въ монастырь, и опять и опять разсуждали дружно о путяхъ спасенія, и увеличи-